БЛАГОДАРЕНЬЕ РЕЧИ

1

Радость говорить — пробовать
на вкус
Воздуха сырой серебрёный
хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб
растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой —
Молодой, влюблённый,
счастливый?

Прижимал к груди запад и
восток,
Растирал в руках крепкий
колосок —
И высокой светлой страдою
Проходил бескрайней страною...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка —
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

2

Спасибо тебе, светлорусая
русская речь,
За все твои имена!
За ветер оплечь
И золотые зёрна, коим в
холодную пашню лечь,
Высокую, как волна.

Но пока я храню их в огне
беспомощных рук,
Согреваю на все грядущие
времена:
«Здравствуй!» — и я живу, и
небо вокруг.
«Спасибо!» — и спасена.

3

Спаси тебя Господь!
За каждым словом — твердь.
И смысл его — зерно.
И жить ему дано, одолевая
смерть,
И прорастать дано
В младенческих устах молочной
чистотой,
Прозрачной белизной...
Спаси тебя Господь! Как ясен
голос твой!
Поговори со мной!
У жизни — удержись, у края —
удержись
За выдох ли, за вдох...
За каждым словом — твердь.
За каждым словом — жизнь.
За каждым словом — Бог.

4

И хлеб, и ласка, и огонь в ночи,
И рук усталых нежная
прохлада...
О жизнь моя, спасибо за ключи
От шумного взволнованного
сада!

С какого-то иного языка
Перевожу я до самозабвенья
Ручей, цветы, грозу и облака,
И танец пчёл, и ветра
дуновенье —

И каждый звук, и каждый
отклик мой —
Как будто лёгкий шаг на
шаткий мостик,
Как за руку вести к себе домой
Нежданного, но дорогого гостя.

Но все мои слова — твои ключи:
Небесным открывается земное...
О, говори со мною, не молчи,
Благодарю за то, что ты
со мною!

5

Сердце-то ведает: только по
воле Творца
Свет никогда не избудет себя
до конца.
Даже порою не зная о Нём
ничего,
Греемся мы, словно зёрна в
ладонях Его.
«Благодарю» — это ниточка
света к Нему.
Луч, проходящий сквозь
душную зыбкую тьму,
Слабый росток, набирающий
силу любви...
Мир мой, земля моя, сердце!
Спасибо!
Живи!

* * *

Показалось — уже темно,
А на самом деле — с утра...
Это клён заглянул в окно
Из заснеженного двора.

Что ты мне говорил, о чём —
Было слышно, словно сквозь лёд.
И часы над твоим плечом
Безнадёжно ушли вперёд.

Мне казалось, что это — всё,
Дальше просто сплошной
Delete.
И декабрь погрузился в сон,
И душа уже не болит.

Оказалось, что всё светло,
И до ночи не мерян путь.
И лучи за окном свело
И нацелило прямо в грудь.

* * *

Мне нечего сказать — и я тебя
целую.
Спокойной ночи. Спи.
Однажды рассветёт.
Декабрьскую тоску, холодную
и злую,
Июньскою тоской по крыши
заметёт.

Где воздух с молоком? Где
радостная полночь,
Бокалов лёгкий звон, шуршание
фольги?
Всё было и прошло. Не говори,
что помнишь —
О чём-нибудь другом,
пожалуйста, солги.

Всё заново. С нуля.
С немыслимой пустыни.
Учить себя словам. Спасать себя
от лжи.
Растапливать очаг — но уголья
остыли.
О чём-нибудь другом,
пожалуйста, скажи.

Ещё грядёт июль, ещё придут
грозою
И влага, и огонь, и нежный
плеск листвы...
Спокойной ночи. Спи. Мой
ангел над тобою,
Он не смыкает глаз, не клонит
головы.

* * *

Как тут выбирать, коль попал
спроста
В спелую солому — сухую
тишь:
Вымолвить хоть слово —
спалишь уста,
Ну а промолчать — изнутри
сгоришь.

В общем, эта жизнь — чистый
самопал:
Воздуха вдохнул — и уже
пропал...
И таких пропащих немерено,
Только знать об этом не велено.

Да и выбирать — было б из чего...
Даже смертный снег не студит
чело.
А кому посмеешь пожалиться
Среди уголья на пожарище?

Прощевай-прости, да не помни
зла,
Было или не было — всё зола,
А добром нечаянным —
вспомяни
Лоскуток согревшего пламени.

* * *

Грязь летит на обочины —
Зимних ночей извёстка.
Ангел, вкривь позолоченный,
Спит за стеклом киоска,

Пряча за мятым ценником
Грубую позолоту...
Что же им делать, пленникам,
Если вы позовёте?

С неба печати сорваны,
Словно во время оно:
Спящими загипсованы.
Крылышки из капрона.

В гибельной непохожести
Гаснет душа живая,
Кому наивной пошлости
Молча пережидая.

* * *

Крестильный крестик на тесьме.
Россия — радуга во сне.

Всегда во сне — и только радуга:
Над полем, городом, рекой...
Душа моя, скажи — взаправду ли
Ей быть высокою такой?

Повыцвела тесёмка узкая,
Позеленела медь креста...
Но полыхнёт гроза июльская —
И мёдом пахнет высота!

Не мы в своей тревоге первые —
Но это наши век и час
Одной немыслимою верою
Внезапно озаряют нас —

И где гуляла тьма кромешная,
Где свет жестокий бил в глаза,
Взмывает многоцветно-нежная
Живая арка в небеса...

* * *

На крещенском морозе, на
полном серьёзе,
На хрустящем снегу золотые
полозья...
Золотые, литые из солнечной
стали —
Словно свет растворён в
ослеплённом металле...

На крещенском морозе, горячем
на выдох,
Ни судьба не обманет, ни
случай не выдаст:
Если день ненадолго, то ночи —
с лихвою,
От собачьего лая до волчьего
воя.

На крещенском морозе под
лунной заплаткой
Жизнь покажется краткой,
покажется сладкой,
И покатится весело в санках
под горку,
И окажется долгой, окажется
горькой,

Ах, когда б мы, наивные,
вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной дарил
леденцами,
Раздавал да прихваливал
сдобным словечком,
Всё-то накрепко помня о
детском и вечном...

* * *

Ненасытной удалью молодой
тоски
Воровская музыка мечется в
такси.
Бьётся в стёкла, поймана
чёрным коробком...
Что она, о ком она? Больше
ни о ком.

Вспоминать не велено, всё
пошло не так:
От проспекта Ленина на
Свердловский тракт,
Дальше — Комсомольского
бурная река...
Помяни их, Господи: мальчиков
зека,

Девочек без вызова, ужас
чёрных трасс...
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах,
помнящих едва:
Музыке позволено, музыка
права!

Слов не слушай, Господи: лгут
слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе
фонарями взрыт,
Высверками высвечен, фарами
в упор —
Музыка неистово продолжает
спор

Не за души сгинувших в ужас и
во тьму —
За невинных нынешних, за себя
саму,
Разудало-жалкую в гиблой
слепоте,
С неизменно ржавою финкой
в сапоге...

* * *

Стынут в тоске вчерашней
Ближние берега.
Жизнь, а тебе не страшно? —
Нет, говорит. Пока.

Да, говорит, наверно, —
Эти ли, или те...
Перебирает нервно
Блузку на животе.

В пальцах прохладно мнётся
Синий цветной сатин.
Выйдешь-то — до колодца,
А идти — до седин.

Хоть бы глоток — да где там! —
Высохло всё дотла,
Словно бы за ответом
Да не туда пришла.

Жизнь, а тебе не страшно? —
Страшно, а всё терпи.
Скудно цветёт ромашка
На подоле тропы.

Зыбкой надежды ради,
Радости наперёд

Взять бы да погадать бы? —
Жалко, пускай растёт.

* * *

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отреченье
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свеченье
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградою прожитых лет,
Где сияет прощальною лаской
Фонаря остывающий свет...

* * *

Сошла высокая вода…
Душа, откуда столько боли?
Несёт черемуха в подоле
Малиновые холода.

Идёт, боса и весела,
В прозрачном облаке остуды,
Не сетуя на пересуды
На шумных улицах села,

Навстречу ей сквозит трава,
До солнца воздух пробивая,
И жизнь такая молодая,
И лишь поэтому права.

И ладно — лишь бы всё цвело,
Не вспоминай в весенней силе,
Что руки нежные застыли
И пальцы тонкие свело.

* * *

Юрию Васильеву и
Николаю Бодрову

Так сбивается в масло небесное
Молоко любви.
Наклоняется ангел над бездною,
Говорит: живи,

Осенью дыши, говорит,
Шурши листвой,
Дождинки лови за шиворот —
Я твой

Собеседник на веки вечные...
Я молчу,
Потому что ответить нечего.
Он спускается по лучу,

Словно лист на плечо, свет на
уста,
Воздух в перехваченную
гортань...
Я говорю: устала.
Перестань

Обещать несбыточное, дарить
Невозможное — удержу ли?
Удержишь, говорит.
Я дежурю

Круглосуточно, всемирно.
Качнёшься — я подхвачу.
И уходит вверх по лучу.

Листву собирают в чёрные
пластиковые мешки.
Воздух пустеет, с белого неба
летят мечты —
Прозрачные, невесомые — и
тают почти у самой земли.
Снега пришли.

* * *

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших,
и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на
перевалах...

И уже растворилась огнём в
крови
Молодая метель над ночной
страною,
И уже бессмысленно о любви —
Ибо только она, и ничто иное.

А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться
нечем,
Но уже не отнять воспалённых
губ
От шершавого горлышка
русской речи.

То ли просто зима, то ли
впрямь беда
Высекает слёзы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на
перевалах.